

Ганна ШЕВЧЕНКО
МОЙ ХОЛОДИЛЬНИК ДИМА

Стихотворения

***

Мне в детстве было многое дано:
тетрадь, фломастер, твёрдая подушка,
большая спальня, низкое окно,
донецкий воздух, угольная стружка.

Когда на подоконнике сидишь,
то терриконы сказочней и ближе.
Мне нравилась базальтовая тишь
и мёртвый флюгер на соседней крыше.

А за полночь, сквозь шорох ковыля,
сквозь марево компрессорного воя,
подслушивать, как вертится Земля,
вращая шестёренками забоя.

***

В фартуке ситцевом, длинном,
немолодая на вид,
рядом с плитой “Дарина”
женщина с ложкой стоит.

Пар взлетает, как птица,
в грозной своей красоте,
в белой кастрюле томится
суп из куриных частей.

Запах душистого перца
едко щекочет в носу,
варится, варится сердце,
тихо вращается суп.

Женщиной быть жутковато —
кухня страшнее войны.
Вздёрнуто тело прихвата
без доказательств вины.

***

Что нам напоследок осталось?
Свежайшего хлора глоток,
растительной пищи металлы,
удобренный серой цветок.

Морей гербицидных безбрежность,
туманность озоновых дыр,
резиновой женщины нежность,
исполненный чадом эфир.

Земля, как могла, принимала
божественной стаи помёт.
Нас здесь проживало немало,
немало ещё поживёт.

* * *

Склеили из плоти и духа,
а потом ушли, обманули.
Если пуля свищет над ухом,
уклоняйся, детка, от пули.
Выглянешь на улицу — ветер
гонит на убой самолёты,
направляйся, детка, на север
к леммингам, песцам и койотам.
Угол наклона оси
изменился. Тронулась суша.
А медведей, детка, не бойся,
человек страшнее и хуже.
Наши шкуры — верх дешевизны,
удаляйся, жми на педали,
этот мир опасен для жизни,
но другого не предлагали.

* * *

Отползает в сторону куда-то
день тягучий, словно пастила,
в огороде брошена лопата
и другие важные дела.
Завтра будет ветреней и суше,
а сейчас, в закатном серебре
медленно плывут святые груши,
нимбами красуясь при дворе.
Травы за сараями примяты
оттого, что встретили пчелу
дикие, ушастые котята
в мусоре, оставленном в углу.
И теперь не то, что подорожник, —
чистотел лежит, как заводной,
и идти поэтому несложно
к крану за поливочной водой.
Хорошо здесь. Солнце, как пружина,
стягивает свет за тополя,
и встаёт над точкою зажима
мертвенная, лунная петля.

Я пока ещё живая

Сердцелистный, равнобокий, весь в пушистой седине,
что ты, тополь серебристый, распоясался в окне,
колобродишь, наклоняясь, ветер лапами долбишь —
ты во мне переломаешь всю мечтательную тишь.
У твоих корней расселась стайка легких воробьих,
расскажи мне, расскажи мне что-то страшное о них.
Я услышу, испугаюсь, в одеяло завернусь,

и придет ко мне лягушка — перепончатая грусть;
одарит меня прохладой, изомнет мою кровать,
мы с ней будем обниматься и друг друга целовать.
Я пока ещё живая, мой стишок ещё не спет —
если ты меня волнуешь, значит, скоро будет свет.
Тополь, ты такой красивый, как перчатка на столбе,
я ль тобой не любовалась, не молилась о тебе?
Всё. Меня не существует. Я распалась изнутри.
Сотвори меня из пуха, белый тополь, сотвори.

* * *

Запределен четвёртый этаж,
беден в окнах подольский пейзаж,
чёрен город в белёсом тумане,
выйдешь в утренний шум налегке —
шевелинётся синица в руке,
воробей затрепещет в кармане.
Эти птицы прибились ко мне,
поселились в моей тишине,
я зерном их кормила, жалея.
Я им матерью доброй была,
но зачем мне четыре крыла,
если воздух воды тяжелее.
Не нужны мне ни свет, ни заря,
ни рябина среди пустыря —
я все тяжести безднам вернула.
Ни воды, ни земли, ни огня,
лишь две птицы и их трескотня
на каштане замерзшем, сутулом.

Охранник Геннадий Сушко

С редющей грядкой последних седин,
с обтянутым формой брюшком,
томится у кассы № 1
охранник Геннадий Сушко.

Он утром увидел её у стола —
она покупала морковь,
но мимо него, изогнувшись, плыла
ее равнодушная бровь.

В “Пятерочке” цены сегодня смешны
на яблоки и молоко.

Он сделал бы скидку, ушёл от жены,
но образ её далеко,

как будто она — молодой лимузин,
а он догоняет пешком.

Томится у кассы № 1
охранник Геннадий Сушко.

* * *

Сегодня утром выпал снег;
последняя листва,
сорвавшись с голых тополей,
на землю улеглась
и там лежит, вращая в лёд,
темнея и дрожа,
на колком, утреннем ветру;
хочу, чтоб ты любил
меня, пока дрожит листва,
и первый снег идёт,
пока темнеют на снегу
следы кошачьих лап,
и птица краешком крыла
касается ветвей;
хочу, чтобы ты меня любил,
все прочее давно
уже случилось —
выпал снег,
осыпалась листва.

как мамы

мы окна мыли мыли в октябре
вкруг смотрели
стекла мыли мыли
мы видели себя на пустыре
в холодном ветре
в облаке из пыли

мы там стояли на сухой траве
смотрели на себя в окне невытом
и думали что это в синеве
стоят другие
сгорбленные бытом

лежал в тумане кабельный завод
за кочегаркой облако качалось
а рядом начинался кислород
и больше ничего не начиналось

а мы стояли на сухой траве
дышали пылью и в окно смотрели
на то как эти сгорбленные две
маячили в проеме еле-еле

и мыли окна током чистых вод
размахивая тряпкой по спирали

лежал в тумане кабельный завод
а мы как мамы раму протирали

* * *

Заколочен досками колодец,
возле грядок брошены лопаты,
незнакомый и нетрезвый хлопец
курит возле дедушкиной хаты.

Выплывет хозяйка, озираясь, —
что хотят незваные шпионы?
Выплеснет помои из сарая
в бабушкины флоксы и пионы.

Детство отшумело и пропало,
убежало странствовать по стерням,
затерялось в гуще сеновалов,
растворилось в воздухе вечернем.

Лишь стоит за сломанной калиткой,
возле обветшалого крыльца,
нерушимый, крепкий, монолитный
запах бузины и чабреца.

Невеста

По мягким полозьям вельвета
плывёт, озаряя углы,
невеста, продетая светом
в любовное ушко иглы.

Отец поцелует сердечно
в дизайнерский локон виска
и в море отпустит навечно.
Посмотрит с улыбкою, как,

минуя нарядные лица,
плывёт к ней её водолаз,
с цветком в белоснежной петлице,
с блестящими кошками глаз.

***

Я эту ткань не выбирала,
меня к ней женщина пришила,
она полдня меня рожала,
затем в коляску положила.

А я лежала и смотрела,
как мир баюкался устало,
как грудь в халатике пестрела,
как молоко в ней закипало.

Ах, мама, мамочка родная,
твои лекала неказисты,
мне ткань досталась набивная,
но напортачили стилисты.

Я вещь полезная для дома,
я мою окна и посуду,
я с миром моды не знакома
и никогда уже не буду.

Ведь жизнь летит, и очень скоро
я стану бабушкой корявой,
меня, как выцветшую штору,
в комод на тряпочки отправят.

Шестирукий человек

Вот шестирукий человек
идет к сараю. Видит грабли.
Глаза на доброй голове
не удивляются ни капли.

Он грабли за руку берёт,
в сады весенние ведёт.

Его походка силача
любого утратить могла бы.
Капель он держит на плечах,
вода — игрушка не для слабых.

Он грабли за руку берёт,
листву засохшую гребёт.

Парят над ветками садов
его натерты ручки.
Уходят тучи холодов.
Природа делается чище.

Мой холодильник Дима

Это невыносимо:
неопытен, годовал,
мой холодильник Дима
Катей меня назвал.

В окнах творится осень,
плавают облака,
видимо, губы просят
капельку кипятка.

Может быть, в магазине,
где он приобретен,
пластик или резина
были со всех сторон.

Да и сейчас не лучше —
вспорот живот тунца,
в камере сбились в кучу
бройлерные сердца.

Дима, держись, я тоже

маюсь своей зимой,
как мы с тобой похожи,
господи, боже мой.

Вера

Она встречает его в прихожей, говорит:
— Вымой руки.
Идёт в кухню, наливает горячий суп.
Смотрит, как он ест.
Замечает, что две волосинки поседел у него в носу.

Он вспоминает:
— У Сергея Петровича сегодня умерла мать.
Она головой качает,
ставит будильник на семь тридцать пять.

А потом они ложатся в постель,
укрываются пледом и спят.
Спят. Спят. Спят.
Прижавшись друг к другу спинами,
восемь часов подряд.

Утром он кричит ей:
— Вера, у нас кончилась бумага!
Она ворчит сквозь сон,
затем встаёт, прихрамывает,
подаёт ему новый рулон.

***

В банке сказали: возьмёте монету,
сильно не трите, водите легко,
там под полоскою серого цвета
вы обнаружите новый пин-код.
Вышла из банка. На детских качелях
мальчик качался, скрипели болты,
рядом в «Харчевне» чиновники ели,
тёрли салфетками жирные рты.
Птицы летели, собаки бежали,
дворники мётлами землю скребли.
Вписаны эти мгновенья в скрижали,
или же в ливневый сток утекли?
Город как город. Сроднился с планетой.
Город-инфекция. Город-налёт.
Если стереть его крупной монетой,
взгляду откроется новый пин-код.

